

И.С. КОН

Телесные наказания в советской и постсоветской России*

В выдержках из главы последней книги И. Кона исследуется проблема телесных наказаний в отношении несовершеннолетних, приводятся мнения ученых, педагогов, родителей и детей, анализируются данные социологических опросов и статистика по этим вопросам.

Ключевые слова: семейное воспитание, домашнее насилие, права детей, ответственность родителей, ювенальная юстиция, Российская православная церковь.

Extracts from the chapter of the last Kon's book analyse the problem of the baby-battering, present opinion of scientists, teachers, parents and children, analysis of the public opinion poll and statistics on that issue.

Keywords: family upbringing, domestic violence, children rights, parents' responsibility, juvenile justice, Russian Orthodox Church.

Для профилактики преступности ООН решила выпороть все население Земли. В ответ на это во Франции произошла революция, в Англии – правительственный кризис, в СССР с ночи стали выстраиваться очереди, а Академия наук обратилась в правительство с просьбой обслужить ученых вне очереди, по льготному списку.

Старый советский анекдот

Советская Россия: закон, теория и практика

Все свои нерешенные проблемы Россия царская передала в наследство России советской. Одной из них была проблема отношения к телесным наказаниям.

Как справедливо отмечает английская исследовательница К. Келли, раннее советское законодательство подорвало базовый принцип царского семейного права – подчинение детей родителям. Понятие “родительская власть” практически исчезло, вышло из употребления, а “родительские права” стали трактоваться исключительно с точки зрения интересов развития ребенка. Согласно статье 33 Кодекса законов о браке, семье и опеке 1926 г., родительские права должны осуществляться исключительно в интересах детей, а если они используются иначе, суд может лишить родителей их прав. Советские юристы с гордостью говорили о достигнутом “раскрепощении” детей.

* Из последней (готовящейся к публикации) книги “Бить или не бить? История телесных наказаний в междисциплинарной перспективе” (М., 2012).

Сходные процессы происходили в школе. Уставом школы 1920-х гг. были запрещены практически все формы и виды наказаний для детей. Считалось, что любые дисциплинарные нарушения детей провоцируются плохой работой педагогов, стоит только устранить провоцирующие “плохое поведение” факторы, как все само собой наладится. Либеральным стало и отношение к малолетним правонарушителям. В 1918 г. возраст уголовной ответственности был повышен до 18 лет. Радикальные теоретики Пролеткульта пошли еще дальше. Врач Ф. Орлов-Скоморовский (род. в 1889 г.) в книге “Голгофа ребенка” (1921) писал, что в каждой семье пробил час мятежа детей против родителей, и приветствовал это.

Левацкая утопия, естественно, оказалась недолговечной. Возраст уголовной ответственности уже в 1920–1923 гг. был снижен до 16 лет, а с 7 апреля 1935 г. за наиболее серьезные преступления (кража, насилие, телесные повреждения и убийства) полная уголовная ответственность стала наступать уже с 12 лет. Одновременно педагоги заговорили о необходимости усиления дисциплины как в школе, так и в семье.

Тем не менее советская педагогика считала телесные наказания детей, независимо от их пола и возраста, неприемлемыми и недопустимыми. Во всех типах учебных заведений они были категорически запрещены.

Это вовсе не значит, что советское воспитание было добрым. В стране, где пытки и избиения регулярно в массовом порядке применялись к миллионам подсудимых и узников ГУЛАГа, без различия их пола и возраста (позже это назовут “строжайше запрещенными методами ведения следствия”), дети не могли рассчитывать на снисходительность.

Но меня интересует не пенитенциарная система, а обычный, нормальный учебный процесс. Полномасштабной “ритуальной” порки в советской школе не было, зато подзатыльники, щипки и шлепки раздавались учителями и воспитателями довольно часто (особенно грешили по этой части военруки и физруки).

Вспоминает ученица сельской школы Шадринского района (начало 1990-х гг.): “В начальных классах меня учила строгая женщина. Иногда она применяла физическую силу (могла использовать подручные средства – линейку, перстень на руке). Однажды прилетело и мне”.

Многое зависело от особенностей учебного заведения, социального происхождения учащегося и от того, готовы ли были родители его защищать. Тяжелее всего было в детских домах, интернатах и спецшколах. В обычных детских учреждениях это было не принято. Ни в моем дошкольном и школьном детстве, ни позже, когда я оказывался в детских учреждениях в качестве гостя, случаев рукоприкладства со стороны взрослых я не видел и жалоб такого рода не слышал. В конце 1970-х гг. в отличном пионерском лагере под Ленинградом я однажды видел, как молодой вожатый, студент педвуза, запросто раздавал легкие оплеухи подопечным башибузукам-шестиклассникам, которые его обожали. Но это не было ни рукоприкладством, ни “телесным наказанием”, ни даже проявлением раздражения, а всего лишь частью групповой игры, вожатый был “своим парнем”. “Настоящему” взрослому, застегнутому на все пуговицы, эти мальчишки ничего подобного не позволили бы. Чтобы правильно оценить такие “неканонические” действия, нужно обладать чувством юмора и знать специфические правила общения данного конкретного сообщества.

Что касается семьи, то почти все здесь оставалось в руках родителей. Советская власть очень жестко преследовала любые идеологические девиации, например – если ребенок высказывал крамольные политические взгляды или если религиозные родители не разрешали ему/ей вступать в пионеры или комсомол. Домашнее насилие замечали гораздо реже, только когда оно было слишком явным, оставляло заметные следы на теле ребенка или он сам или соседи куда-то жаловались. В таких случаях вмешивались органы опеки или милиция, но мотивировалось это вмешательство не телесными воздействиями как таковыми, а исключительно их чрезмерной жесткостью.

В нормативной житейской педагогике запрет телесных наказаний иногда подвергался сомнению. Чаще всего при этом ссылались на авторитет А. Макаренко: известный эпизод из “Педагогической поэмы”, когда Антон Семенович ударил своего воспитанника, и это повысило его авторитет среди колонистов. Следует подчеркнуть, что

сам Макаренко всегда очень эмоционально отрекся от подобной интерпретации своего педагогического опыта и в осуждении физических наказаний был абсолютно категоричен.

Эти мысли неоднократно повторяются в “Книге для родителей”: “Если вы бьете вашего ребенка, то для него это во всяком случае трагедия, или трагедия боли и обиды, или трагедия привычного безразличия и жестокого детского терпения. А вы сами, взрослый человек, личность и гражданин, существо с мозгами и мускулами, вы, наносящий удары по нежному, слабому, растущему телу ребенка, что вы такое?”. По мнению Макаренко, авторитет, построенный на порке, вызывает детскую ложь и человеческую трусость и одновременно воспитывает в ребенке жестокость. “Из забитых и безвольных детей выходят потом либо слякотные, никчемные люди, либо самодуры”.

Однако повседневная жизнь не особенно считалась с теориями. Относительно телесных наказаний, как и всего остального, россияне исповедовали тройную мораль: думали одно, говорили другое, делали третье.

О профессиональных опросах на эту тему в советское время я не знаю, но когда в конце 1980-х гг. журналист Н. Филиппов с помощью педагогической общественности провел анонимное анкетирование 7,5 тысяч детей от 9 до 15 лет в 15 городах страны, оказалось, что 60% родителей использовали в воспитании своих детей телесные наказания; 86% среди этих наказаний занимала порка, 9% – стояние в углу (на коленях – на горохе, соли, кирпичках), 5% – удары по лицу и по голове. Иногда наказание за проступки трудно отличить от простого избияния и сексуального насилия (унизительно оголяют, бьют по половым органам и т.п.).

Многие советские дети, как поротые, так и непоротые, считали такой стиль воспитания нормальным и собирались в будущем, когда вырастут, бить собственных детей. “Какое наказание без ремня?” – спрашивает десятилетний мальчик. – Воспитывать детей надо строго, а не сюсюкать с ними, как с маленькими”. Девятилетняя Аня, лукаво улыбнувшись, прошептала: “Конечно, буду бить, как меня мама, что они, лучше, что ли?”.

Это ли не эстафета поколений?

Советские критики телесных наказаний

Забывая преимущественно о поддержании благолепия своего морально-политического имиджа, советская власть старалась не привлекать внимания к несовпадению слова и дела, тем более что оно проявлялось практически во всем и с годами быстро увеличивалось. В 1980-х гг. разговор молчания вокруг телесных наказаний прорвали детский хирург С. Долецкий (1919–1994) и писатель и педагог С. Соловейчик (1930–1996), к которым вскоре присоединился детский писатель и правозащитник А. Приставкин (1931–2008).

В “Известиях”, а затем в “Учительской газете” Долецкий привлек внимание общественности к случаям избияния детей собственными родителями: “Травма физическая, на мой взгляд, не самое страшное зло, которое причиняют ребенку. Страдает его психика. Он озлобляется, становится агрессивным, жестоким, деформируется его личность. В будущем он точно таким же методом станет воспитывать своих детей. Уважение или любовь к родителям заменяется страхом. Немало случаев, когда физическое насилие на всю жизнь изменяет отношение ребенка к родным. А сколько раз не только насилие, но даже страх перед ним может повлечь за собой уход ребенка из дому или даже попытку самоубийства”. Долецкий сформулировал понятие “синдром опасного обращения с детьми” (СООСД):

«Поговорите с людьми самого разного возраста и образования. Пословицу приведут “За одного битого – двух небитых дают”. А ведь речь в ней идет не о насилии, а о жизненном опыте, преодолении трудностей. Расскажут, что из М. Горького, которого дед порол каждую субботу, получился великий русский писатель. Но исключение подтверждает правило. Никто не подсчитывал, сколько талантливых людей, сколько незаурядных личностей было забито. Припомним времена, когда линейка, ремень,

розги вырастили неплохие поколения. Но при этом забудут назвать имена тех, кто составляет славу нашей культуры, науки, и то, что людей этих воспитывали без битья и унижений. И о том забудут, что существуют целые регионы земного шара, где детей никогда физически не наказывают...

На протяжении многих веков люди вырабатывали правила, которые помогали им жить и воспитывать детей. Они положены в основу самовоспитания человека, ибо воспитание детей начинается с самовоспитания родителей. Вот одно из них: тысячу раз подумай, прежде чем ударить. Удар обратно не возьмешь...

Современная медицина твердо установила: любые способы насилия, оскорбления, унижения представляют опасность для развивающегося детского организма. Воспитание всегда тесно связано со здоровьем ребенка».

Столь же последовательно, но не с социально-медицинских, а с философско-педагогических позиций осуждает телесные наказания Соловейчик в книге “Воспитание по Иванову” (1989): «Если на домашнее воспитание жизнь отводит минуты, значит, все обычные воспитательные меры и мероприятия теряют силу. Нотации, уговоры, требования, наказания – все эти единовременные, чисто педагогические действия, которые обычно и считают воспитанием (“Но надо же воспитывать детей?”), в новой ситуации почти бесполезны, и результат обычно бывает таков: “Моему хоть говори, хоть не говори” – “На моего хоть кричи, хоть не кричи” – “Моему хоть бей, хоть не бей”. Призывы “больше смотреть за сыном” нелепы, потому что ни мать, ни отец не могут за ним смотреть, а главное, воспитание вовсе не сводится к тому, чтобы “смотреть”. Но коль скоро специально-воспитательные меры на глазах теряют силу, то надо учить родителей воспитанию без специальных, единовременных педагогических мероприятий, воспитанию, основанному на духовном сотрудничестве родителей и детей, потому что духовное воспитание идет все 24 часа в сутки и двенадцать месяцев в году, даже если дети и родители не видятся. Отец уехал на три месяца в Чернобыль. Продолжает ли он воспитывать детей? Конечно. Чем же? Да тем, что он уехал в Чернобыль».

Официальная советская педагогика, которую Соловейчик метко назвал “бездетной” (за это его смертельно ненавидела Академия педагогических наук), обвиняла его в прекраснотушии, “гнилом либерализме” и прочих идеологических пороках. Но на волне начавшейся либерализации советской жизни, одним из аспектов которой было *повышение ценности человеческой личности*, эти идеи были востребованы общественным сознанием и способствовали формированию более критического отношения к телесным наказаниям. Термин Долецкого “СООСД” даже вошел в некоторые отечественные психологические словари (для западной психологии он недостаточно определен, там есть другие термины).

Дети в постсоветской России

В постсоветской России ситуация с телесными наказаниями довольно противоречива. С 1980-х гг. заметно усиливается критическое отношение к телесным наказаниям, причем не только как к проявлению насилия и жестокости, но и принципиально. В то же время обнищание и социальное расслоение населения плюс чудовищная криминализация страны объективно способствуют росту насилия также и по отношению к детям. Вспомним выводы кросскультурных исследований: культура насилия и неравенство власти и социальных возможностей везде и всюду положительно коррелируют с телесными наказаниями. Россия – лишь частный случай общего правила.

О насилии над детьми в России пишут и говорят очень много. По данным комитета Государственной думы по делам женщин, семьи и молодежи в 2001 г. в России около 2 млн детей в возрасте до 14 лет ежегодно подвергались избиению в семье. Более 50 тыс. таких детей убегают из дома. При этом мальчиков бьют в три раза чаще, чем девочек. Две трети избитых – дошкольники. 10% зверски избитых и помещенных в стационар детей умирают. Число избиваемых детей ежегодно растет. По данным опросов правозащитных организаций, около 60% детей сталкиваются с насилием в семье,

а 30% – в школах. Уголовная статистика отражает лишь 5–10% реального количества избиений. Согласно государственному докладу “О положении детей в Российской Федерации”, в 2004 г. было зарегистрировано около 50 тыс. преступлений против несовершеннолетних, более 2000 детей ежегодно погибают от убийств и тяжких телесных повреждений. По результатам исследований разных авторов, распространенность случаев насилия над детьми составляет от 3 до 30%.

По данным президента Д. Медведева, в 2008 г. жертвами насилия в России стали 126 тыс. детей, из которых 1914 погибли, 12,5 тыс. числятся в розыске. Потенциальными жертвами насилия считаются еще 760 тыс. детей, которые живут в социально опасных условиях. Проблема, по мнению президента, “выходит за рамки собственно правоохранительной деятельности”. В 2010 г. защита детей стала центральной темой президентского послания Федеральному собранию: “Поистине страшная проблема – насилие в отношении детей. По официальным данным МВД, в 2009 г. от преступных посягательств пострадали более 100 тысяч детей и подростков... Известно, что жестокость порождает встречную жестокость. Дети ведь усваивают ту модель поведения, которую обычно демонстрируют им взрослые, а затем, конечно, переносят ее в свою жизнь: школу, институт, армию и в собственную семью. Долг всего общества – сформировать атмосферу нетерпимости к проявлениям жестокого обращения с детьми, выявлять и пресекать подобные случаи”.

Эти проблемы не могут не тревожить каждого. Но насколько надежна государственная статистика? Председатель Следственного комитета А. Бастрыкин, выступая по телевидению 17 апреля 2010 г. в программе “Насилие над детьми”, сказал: “Сегодня в России каждый четвертый ребенок становится жертвой изнасилования, каждый третий – ребенок, втянутый в занятия проституцией. За последние 5 лет почти в 7 раз выросло количество ненасильственных половых преступлений против детей, не достигших 16-летнего возраста, когда их просто совращают. И вот тенденция последних лет: более чем в 14 раз выросло число мальчиков, пострадавших от насильственных и ненасильственных действий гомосексуального характера... Мы должны вернуться к гуманности, к традициям нашего общества. Русские люди всегда были добрыми, сострадательными и совестливыми... А мы построили с 90-х гг. общество индивидуалистов, эгоистов, людей, живущих в свое удовольствие. Если удовольствие связано с насилием над ребенком – они получают и это удовольствие”.

Оставим в стороне гуманные традиции прошлого. Задумайтесь над цифрами. Вы можете реально представить себе страну, в которой был бы изнасилован каждый четвертый ребенок, а двадцать лет назад в ней все было благополучно? Возможно, Бастрыкин оговорился. Но есть опубликованная официальная статистика двухлетней давности, которую я проанализировал в книге “Клубничка на березке”: По данным Следственного комитета, в 2007 г. в отношении детей и подростков было совершено 8805 преступлений, сопряженных с насильственными действиями сексуального характера. Каждая четвертая жертва изнасилований и почти каждая вторая жертва (42%) насильственных действий сексуального характера – несовершеннолетняя. С 2003 г. более чем в семь раз (до 5405 человек в 2007 г.) возросло число детей, потерпевших от ненасильственных половых преступлений (статьи 134, 135 Уголовного кодекса Российской Федерации), в частности от полового сношения, мужеложства или лесбиянства оно увеличилось в 28,8 раз, достигнув в 2007 г. 3692. В стране распространяется гомосексуальная педофилия. В период с 2003 по 2007 г. число мальчиков, пострадавших от ненасильственного мужеложства (статья 134 Уголовного кодекса Российской Федерации), возросло в 23 раза (со 129 до 3692 чел.). 820 мальчиков пострадали в 2007 г. от развратных действий со стороны взрослых лиц (статья 135 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Эти цифры опубликованы, их читали ВСЕ, участвовавшие в подготовке, обсуждении и принятии поправок к Уголовному кодексу, но никто не удивился. Не странно ли это, и только ли в цифрах дело? Почему, несмотря на повышение материального благосостояния населения и резкое устроение в последние годы уголовного зако-

нодательства, нам каждые два года сообщают о новом катастрофическом росте числа сексуальных преступлений против детей? А если государство не может представить обществу реальную статистику даже по тем вопросам, где существует четкая рубрикация – статьи Уголовного кодекса, можно ли ожидать достоверных данных по таким расплывчатым сюжетам, как “насилие”, “избиение”, “жестокость” или “телесные наказания”?

Отличить *реальный* рост насилия от *иллюзий* массового сознания, склонного ностальгически идеализировать прошлое – “раньше был порядок, а теперь детей насилуют и избивают!” – очень трудно... Тем более, если власть и оппозиция играют на одной и той же площадке и пользуются одними и теми же аргументами, только “виновники” у них разные. Коммунисты и некоторые демократы-западники говорят об ужасающем росте насилия над детьми, до которого довел страну “путинский режим”. Церковники и ультранационалисты используют те же самые цифры для компрометации “гнилого либерализма”, “растленного Запада” и “лихих 90-х”. А чиновники и депутаты, вместо того чтобы ответить, почему за десятилетие их правления обращение с детьми ухудшилось, с помощью тех же данных доказывают, как сложны стоящие перед ними задачи и как истово они заботятся о детях своих избирателей. «Защита детей – лучший способ отвлечь внимание населения от провалов государственной политики и подsunуть ему подходящий к случаю “образ врага”». Никто не спрашивает, “а был ли мальчик-то”, и сколько таких мальчиков (и девочек) на самом деле было?

Если недостоверна официальная криминальная статистика, чего ждать от думских и правительственных комиссий, отчеты которых вообще не поддаются проверке? Кем и как получены исходные данные, как правило, неизвестно. Я не берусь оспаривать приведенные выше цифры, но не исключаю и того, что часть из них – пропагандистские страшилки. Критиковать их столь же трудно, сколь и опасно. Если ты скажешь, что цифры преувеличены, тебя обвинят в ненависти к детям и потворстве насилию над ними. Если же признать, что независимо от социально-экономического состояния страны и изменений законодательства насилие над детьми ежегодно растет, получается безнадежный пессимизм и “русофобия”: чего ждать от народа, состоящего наполовину из садистов, а наполовину из мазохистов?

Впрочем, меня интересует не насилие над детьми, а только телесные наказания. Им посвящен ряд массовых опросов, проведенных независимыми общественными и научными организациями.

В зеркале массовых опросов

Из респондентов Фонда общественного мнения (опрос 2004 г.) не испытали физических наказаний 27%, испытали – 40%. “Били тем, что было под рукой”; “веревкой, палкой”; “крапивой или прутиком”, “офицерским ремнем”. Однако когортные показатели этого опроса определенно говорят о смягчении нравов: среди 18–24-летних непоротых оказалось 33%, а среди 55–64-летних – лишь 18%.

В позднейшем опросе ФОМ о пережитых телесных наказаниях упомянул каждый второй респондент, причем 16% опрошенных наказывали часто, а 33% – редко. Мнение, что сегодня в России нет родителей, которые бы физически наказывали своих детей, поддержали лишь 2% участников опроса. Мальчиков наказывают значительно чаще, чем девочек: совсем не наказывали 40% мужчин и 55% женщин, часто – 20 и 12%, редко – 37 и 29%, соответственно. 52% мужчин и 32% женщин считают, что их пороли заслуженно.

Сравнивая сегодняшнюю ситуацию с периодом своего школьного детства, 26% опрошенных предположили, что сейчас детей физически наказывают реже, 17% – что чаще, 17% – что в этом вопросе мало что изменилось; остальные затруднились ответить. Интерпретируют эти предполагаемые сдвиги также по-разному. Одни (5%) считают, что “раньше строже относились к детям”, а сейчас их “больше жалеют, балуют”. Другие говорят, что “изменились подходы к воспитанию”; “сейчас как-то не принято

бить детей”; “нецивилизованные методы – так все считают”; “больше уговаривают”. Некоторые видят в этом признак возросшего уровня педагогической и общей культуры родителей: “более грамотные родители”; “более педагогически грамотные”; “люди стали цивилизованнее”; “повышается культурный уровень” (3%). Другие 3%, наоборот, считают их свидетельством невнимания, наплевательского отношения к детям: «“безразличия больше со стороны родителей: “чем бы дитя ни тешилось...”»; “взрослым не до детей, работают”; “вообще не заботятся о детях”; “их не воспитывают, они брошены по улицам, бегают по помойкам”; “наплевать на детей”». Отдельные респонденты полагают, что причиной перемен в методах воспитания являются не столько родители, сколько сами дети: “дети сами не позволяют так с ними поступать”; “дети стали знать свои права”; “дети стали умнее, лишний раз их не тронешь”; “дети ранимы, очень грамотные сейчас, могут и отпор сделать” (2%).

По данным исследования, проведенного Институтом социологии РАН по заказу Фонда поддержки детей в апреле–мае 2009 г. (репрезентативная общероссийская выборка, 1225 респондентов в возрасте от 16 до 44 лет)¹, 51,8% опрошенных родителей признались, что прибегали к физическому наказанию “в воспитательных целях”, причем 1,8% делали это часто, 17,8% – иногда, а 31,4% – редко; женщины прибегают к физическому наказанию детей чаще, чем мужчины (доля женщин – 56,8%, доля мужчин – 44,5%). Авторы связывают это с тем, что матери чаще берут на себя ответственность за воспитание детей. На распространенность телесных наказаний в семье больше всего влияют два фактора: уровень дохода и уровень образования. Среди обеспеченных респондентов уровень распространения физических наказаний намного ниже, чем среди бедных (соответственно 40,1 и 62,6%). Более образованные респонденты применяют физическое наказание реже, чем необразованные.

Интересное региональное исследование из нескольких блоков проведено саратовским Центром социальной политики и гендерных исследований. В 2006 г. в трех городах России (Ижевске, Самаре и Саратове) были проведены уличный экспресс-опрос горожан, анкетирование школьников и родителей, а также интервью со специалистами. В экспресс-опросе приняли участие 1783 человека, в том числе 842 родителя несовершеннолетних детей. Позже в Саратове, Самаре, Ижевске, Казани опросили 700 школьников от 8 до 14 лет и 510 родителей. Дизайн выборки подразумевал опрос в каждом городе группы родителей по месту учебы их детей – как правило, на родительских собраниях в школе. Дети опрашивались после занятий – всем классом, причем в каждом городе были обследованы два типа школ: школа в “благополучном” районе и “неблагополучном”, по 85 человек в каждом из типов школ. Саратовские социологи пытались разграничить “физические наказания” как одну из форм домашней дисциплины и “насилие над детьми”. Как правило, люди эти явления различают, понимая под физическим насилием нанесение телесных повреждений, которые причиняют ущерб здоровью ребенка, нарушают его психическое и социальное развитие. Хотя почти 35% опрошенных взрослых и 61,4% родителей считают физическое наказание детей “формой воспитания”, большинство определенно предпочитает более мягкие формы дисциплинирования. Физические наказания (ремнем, подзатыльники, оплеухи) упоминают примерно 18% респондентов.

Какие социальные слои склонны чаще пороть своих детей? Несколькими опросами, проведенными с 1998 г. под руководством кандидата социологических наук Н. Шеляпина (не имея доступа к первичным данным, я не могу судить о качестве выборки и методах подсчета), повышенная склонность к телесным наказаниям выявлена в семьях военных и сотрудников милиции. Например, среди опрошенных петербургских студентов, подвергавшихся дома побоям, 26% росли в семьях силовиков, у которых физические наказания носили регулярный характер и даже превращались в изощренные ритуалы. Нередко им подвергались не только дошколята, но и юноши (а

¹ Выражаю благодарность Т. Гурко за возможность ознакомиться не только с опубликованными выводами, но и с первичными данными этого опроса.

еще чаще – девушки) до 16–19 лет. Для многих детей из подобных семей порка остается атрибутом повседневной жизни даже в 22 года! Выясняя, кого, как и чем родители били, а если не били, то почему, социологи обнаружили, что практикующие порку штатские отцы чаще всего люди необразованные и пьющие, тогда как в семьях силовиков физическую жестокость при воспитании применяют даже доктора наук. Был составлен и рейтинг орудий наказания. Первое место в этом хит-параде занял форменный ремень, силу которого ощутили на себе 75% исправляемого контингента. Самое же грустное: 82% петербургских студентов сказали, что применявшиеся к ним методы телесного воздействия были необходимы, а 61% – что полностью одобряют битье как способ воспитания. Между прочим, часть этих студентов – будущие педагоги.

Наиболее методологически совершенное и, пожалуй, единственное теоретически ориентированное отечественное исследование с применением международно признанного *инструмента измерения дисциплинарного воздействия* (ИИДВ) (*dimensions of discipline inventory*, DDI) Мюррея Страуса, выполнено под руководством А. Лысовой во Владивостоке.

Под телесным наказанием авторы понимают применение родителем или замещающим его лицом физической силы с намерением причинить ребенку боль, но не повреждения, с целью коррекции и контроля его поведения. В отличие от физического насилия, телесное наказание это: 1) легитимный акт, который не признается преступлением, 2) не приводит к телесным повреждениям и психологическим травмам ребенка, 3) культурно и социально приемлемая форма поведения родителей в отношении собственных детей.

Если сформулировать проблему в терминах легитимности-нелегитимности и инструментальности-экспрессивности, то можно сказать, что *телесное наказание* ребенка является легитимно-инструментальной формой насилия, а *физическое насилие* над ребенком – нелегитимно-экспрессивной (выместить свою злость на ребенке) или нелегитимно-инструментальной (родитель считает свое поведение необходимым “ради блага ребенка”, но общество определяет это как насилие) формами насилия. Способы телесного наказания – нашлапать, дать пощечину, подзатыльник, схватить и потрясти, побить с использованием различных предметов, например ремня, щетки для волос и т.д.

Частота применения телесного наказания в ИИДВ определяется ответами на три вопроса: 1. Как часто вы трясли или хватали его/ее для привлечения его/ее внимания? 2. Как часто вы ударяли ладонью, давали подзатыльники или пощечины ребенку? 3. Как часто вы использовали трость, палку, щетку для волос или ремень? Респонденту предлагается пользоваться следующей шкалой при ответе на каждый вопрос: 1 = никогда, 0 = ни разу за прошедший год, но в предыдущем были случаи, 1 = 1–2 раза за прошедший год, 2 = 3–5 раз за прошедший год, 3 = 6–9 раз за прошедший год, 4 = ежемесячно (от 10 до 14 раз за прошедший год), 5 = несколько раз в месяц (2–3 раза в месяц), 6 = еженедельно (1–2 раза в неделю), 7 = несколько раз в неделю (3–4 раза в неделю), 8 = ежедневно (5 или больше раз в неделю), 9 = два и более раз в день.

На базе этой методики в 2007 г. было опрошено 575 взрослых жителей г. Владивостока (51% из них – женщины), у которых хотя бы один ребенок младше 18 лет проживал вместе с ними большую часть недели. Выяснилось, что около половины (46%) опрошенных родителей применяли телесное наказание к своим детям. Как и в США, матери телесно наказывают детей чаще, чем отцы (50% опрошенных матерей против 36% отцов). Разница эта не только количественная (отцы в среднем телесно наказывают детей раз в 10 дней, а матери – раз в 12 дней), но и качественная. Хотя самая распространенная форма наказания у обоих родителей – пощечины и подзатыльники, отцы чаще матерей используют для наказания какой-либо предмет, например ремень или палку. Отчасти это связано с эмоциональным состоянием родителей. В случае конфликта с брачным партнером матери склонны наказывать своих детей чаще и сильнее.

Насколько я могу судить, работа Лысовой – единственное российское исследование телесных наказаний детей, представленное на международных научных форумах. Однако выборка его невелика и не является случайной (почти 52% респондентов име-

ли высшее образование, такие люди менее склонны применять и одобрять телесные наказания), для широких обобщений и кросскультурных сопоставлений этого недостаточно.

Как оценивают положение вещей сами дети? Из опрошенных в 2001 г. 1429 московских старшеклассников (7–11-й классы) только 3,1% мальчиков и 2,8% девочек сказали, что родители применяют к ним в качестве наказания физическую силу. В саратовских исследованиях Е. Ярской-Смирновой на вопрос: “Приходилось ли тебе убежать из дома?” – утвердительно ответили 5% опрошенных детей; на вопрос: “Почему?” – 14% заявили, что их дома бьют. На вопрос: “Как часто родители бьют тебя?” – 2% детей сказали “часто”, 21% – “редко”, 76% – “никогда”. За что бьют? “За оценки” – 42%, “за плохое поведение” – 79%, “просто так” – 6%. 40% детей признают, что наказание они “заслужили”. С учетом разницы в возрасте и неодинаковых социальных условий детские ответы так же неоднозначны и трудно сопоставимы, как и родительские.

Социологические опросы описывают не только поведение, но и нормативные установки и ценностные ориентации россиян. Сколько-нибудь четко выраженной исторической динамики здесь не прослеживается. В апреле 1992 г. на вопрос всеобщей анкеты ВЦИОМ: “Допустимо ли наказывать детей физически?” – утвердительно ответили лишь 16% россиян, против высказались 58%. Россияне оказались гораздо гуманнее других народов бывшего СССР: телесные наказания детей в то время считали нормальными, допустимыми 24% эстонцев, 29% литовцев и 39% узбеков. Однако не исключено, что в РСФСР просто сильнее сказывались тогдашние советские стереотипы, когда люди начали смелее высказывать собственное мнение, их установки стали более жесткими. При опросе ФОМ в 2004 г. телесные наказания детей сочли допустимыми свыше половины (54%) россиян, “против” – 47%. Наиболее либеральны москвичи (48%), молодежь от 18 до 24 лет (50%) и те, кого в детстве физически не наказывали (52%). О реальной динамике по этим цифрам судить трудно – слишком разные выборки и анкеты. При опросе ФОМ в 2008 г. с мнением, что телесные наказания детей школьного возраста “иногда необходимы”, согласились 67%. На вопрос Левада-Центра в 2004 г.: “Имеют ли право родители подростка 13–14 лет наказывать его физически?” – утвердительно ответили 37% (в 2000 г. – 27%), отрицательно – 61%. Здесь ограничительным фактором является возраст наказываемых (право правом, а реально выпороть 14-летнего подростка не так-то просто).

В опросе Исследовательского центра портала SuperJob.ru (март 2008 г.) телесные наказания в общем виде признали необходимым методом воспитания лишь 9% россиян. Но “необходимое” и “допустимое” – вещи разные. Некоторые респонденты считают такую меру допустимой лишь в отношении мальчиков. Другие апеллируют к собственному опыту: “Нас же тоже шлепали, и ничего... Выросли нормальными”; “На себе испытала – полезно”. Большинство (61%) считают “физическое воздействие на детей с воспитательными целями” крайне нежелательным и допустимым только в исключительных случаях. Принципиально недопустимым телесное наказание детей считают только 30% опрошенных, которые думают, что применение ремня или подзатыльников порождает лишь “негативную реакцию, страх, подавляет самостоятельность”, “способствует развитию у ребенка различных комплексов”. При этом мужчин, считающих телесные наказания неотъемлемой частью воспитательного процесса, вдвое больше, чем женщин (12% против 6), неприемлемыми их считают 34% женщин и 25% мужчин. Чаще других о пользе шлепка и подзатыльника говорят люди старше 50 лет, а наибольшее число их противников среди молодежи до 20 лет. Категорически против телесных наказаний 25% россиян, имеющих детей, и каждый третий (33%) среди бездетных. Согласно исследованию Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, 36,9% родителей считают, что физическое насилие вредно для детей, но 5,6% полагают, что “без рукоприкладства” воспитать ребенка нельзя.

С трудностями концептуального разграничения “телесных наказаний” и “жестокого обращения с детьми” столкнулись и саратовские социологи: каждый третий опрошенный знает о случаях жестокого обращения с детьми, почти половина считает

телесные наказания недопустимыми, треть полагает, что применять их следует в зависимости от ситуации, один из десяти считает, что бить детей можно. Одна из главных причин распространенности телесных наказаний в России – общая “притерпелость” к насилию, жертвами которого являются не только дети, но и взрослые. Самоописания представителей разных поколений в сети зачастую почти не различаются, а их обмен опытом выглядит порой забавным: “Порют меня практически ежедневно! За плохую успеваемость, за редкостное курение, принятие алкогольных напитков, например если я задерживаюсь где-нибудь хоть на 15 мин.! Все равно будет порка! Отец у меня строгий, но справедливый!! Чаше всего он меня лупит ремнем...”.

Особенно жестокие, зачастую откровенно садистские, наказания практикуются в детских домах, интернатах и закрытых учебных заведениях. Воспитанники этих “тотальных институций” практически беззащитны.

Никакой статистики распространенности таких “наказаний”, разумеется, не существует, общество узнает о них лишь из периодических скандалов в СМИ. Родительские “телесно-воспитательные” практики также выглядят подчас довольно экзотично. Первого июня 1995 г. в газете “1 сентября” было опубликовано следующее письмо: “Я слабая интеллигентная 48-летняя мать-одиночка. Моему сыну почти 14. Он рос болезненным, маленьким, слабеньким... И вырос грубый, наглый, трусливый подросток, который мешает всему классу работать, хамит учителям, не жалеет 78-летнюю бабушку и исповедует только силу. ВЫПОРОТЬ БЫ ЕГО РАЗ-ДРУГОЙ. (Я БЫ ЗАПЛАТИЛА В ПРЕДЕЛАХ ЗАРПЛАТЫ ДОЦЕНТА)... И вырос бы хороший человек.

МОЖЕТ БЫТЬ, КАКАЯ-НИБУДЬ СТРУКТУРА, ГОТОВЯЩАЯ, НАПРИМЕР, ТЕЛОХРАНИТЕЛЕЙ, СТАЛА БЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНО, НЕ КАЛЕЧА, ОКАЗЫВАТЬ ТАКУЮ ПОМОЩЬ МАТЕРЯМ-ОДИНОЧКАМ? А наши сыновья знали бы, что их матери и бабушки не лишены мужской защиты! Я убедилась, что страх возмездия делает сына очень хорошим мальчиком, а вот как раз сознание безнаказанности уводит его с пути истинного”.

Обнаружив это письмо в Интернете, я заподозрил розыгрыш. Однако в редакционном архиве нашли как само письмо, так и эмоциональный ответ на него замечательной журналистки “Комсомольской правды” И. Руденко. Спрос рождает предложение. И не только в Москве 1990-х. 18 декабря 2002 г. тюменская газета “Ямская слобода” опубликовала статью “Снимай штаны, акселерат!” – обычно с такой фразы приступает к исполнению своей работы по перевоспитанию трудных подростков бывший физрук одной из тюменских школ Е. Чуваков. К нему обратилась соседка, одна воспитывающая 13-летнего сына. Парень окончательно отбился от рук: перестал слушаться мать, пропускает занятия в школе, на любые замечания реагирует по-хамски... Больше того, уставшая от работы и постоянных недомолвок с сыном, мать обнаружила в кармане его куртки сигареты и пивные пробки.

Она была уверена, – рассказывает Евгений, – что именно такой мужчина, как я, способен внушить зарвавшемуся подростку хоть какие-то нормы поведения. “Если надо, – сказала отчаявшаяся женщина, – можно припугнуть и даже применить силу... В разумных пределах, конечно. И за отдельную плату”.

– В тот раз я от гонорара за свою работу наотрез отказался, – продолжает Евгений. – Но вскоре после этого ко мне с такой же настоятельной просьбой пришли еще две мамы. Пришлось с одним из них вежливо, но строго поговорить, а другого – просто выпороть. А потом заявки посыпались как из рога изобилия. Евгений уверен, что процесс перевоспитания должен носить характер шоковой терапии, чтобы оборзевшие шпанята прониклись ситуацией глубоко и надежно.

Не верите? Вспомните сатирический рассказ Чехова и реальный педагогический опыт Розанова. Или восторженные газетные статьи о положительном опыте порки взрослых парней в казачьей среде. Или новосибирские “лечебные порки”. Или горячую, почти всероссийскую, поддержку нижнетагильского метода лечения с помощью телесных наказаний наркозависимости.

Изошренные телесные наказания, включая полномасштабную порку, знает армейская дедовщина и пользуется поддержкой некоторых офицеров. «“Дедовщину” в армии искоренить невозможно независимо от сроков службы. Да и не нужно от нее избавляться, потому как на ней держится основа воспитания солдат. Офицеры сами заинтересованы в “дедовщине”. Командиру роты, например, проще управлять десятком “дедов”, закрывая глаза на их нарушения. Зато они управляются со всей ротой именно так, как надо офицеру», – цитирует “Комсомольская правда” полковника Генштаба в отставке В. Попова.

«Опять же негоже офицеру бить солдата, а ведь часто есть за что! Просто слова и убеждения на призывников практически не действуют. И тут нужны “дедушки”, которые доходчиво убедят “салабонов” в правильности поступков. “Деды” же, уходя на дембель, кровь из носа обязаны подготовить себе полноценную замену» (<http://kp.ru/daily/24522/669971/>).

Споры о телесных наказаниях и правах ребенка

На юридическом языке вопрос можно поставить четко. Если телесное наказание есть форма насилия над ребенком, нарушение его телесной и даже, сохрани Боже, сексуальной неприкосновенности, это преступное деяние, подлежащее запрету. А если нет, то где между ними грань? Как и в прошлом веке, за бытовыми проблемами часто скрывается идеология. По мнению либералов-западников, телесные наказания – закамouflированное насилие над детьми, которое должно быть законодательно запрещено не только в школе, но и в семье. Коммунисты и православные фундаменталисты (как и по многим другим вопросам, их позиции тождественны) с этим категорически не согласны. Признавая необходимость чадолюбия и заботы о детях, они возражают против ограничения родительской власти, одним из атрибутов которой являются физические наказания.

Тамбовский учитель-коммунист на страницах “Советской России” (от 27 июля 2006 г.) ратует даже за публичные порки детей: “...Публичная порка. Да-да, на специально оборудованном месте, специальным предметом и специальным человеком. Уверяю вас, воздействие колоссальное... Физические наказания в семье должны быть официально разрешены”. Например, “за раннее начало половой жизни” [Верещагин, 2006].

В предпочтении и оценке эффективности конкретных физических воздействий защитники порки зачастую расходятся. Светоч православной педагогики Т. Шишова, которая называет либерализацию взглядов родителей на проблему наказаний “скарлатиной”, – поклонница шлепанья:

“Как-то так сложилось, что многие современные родители считают телесные наказания недопустимыми. Видимо, сыграли свою роль теле- и радиопередачи, в которых муссировалась тема насилия над детьми, причем таким страшным словом назывался даже легкий шлепок. В действительности же трудно найти более безобидное наказание, чем шлепок. Совсем иное дело – наказание ремнем. Это по-настоящему больно и отрезвляет даже самых буйных. Потому и применять его стоит только при тяжелых провинностях, хотя это тоже необходимо”.

Популярный писатель, профессор МГИМО и ведущий телепередачи “Умники и умницы” Ю. Вяземский в телепрограмме “Культурная революция” (16 января 2009 г.) и на страницах “Комсомольской правды” (11 февраля 2009 г.) также заявил, что “без порки не обойтись”: “Непременно нужно пороть за серьезные провинности. Тарас Бульба убил своего сына Андрия за предательство. И те, кто читает Гоголя, не осуждают его, а считают поступок Тараса правильным. Но! Физическое наказание ни в коем случае нельзя превращать в пытку, в унижение”.

Откровения “рафинированного интеллигента” Вяземского вызвали в блогосфере страшный скандал, телеведущего стали называть крепостником, садистом и даже педофилом. Но отношение к телесным наказаниям не обязательно связано с уровнем

образованности или психосексуальными особенностями личности. Просто взгляды у профессора клерикальные и ультраконсервативные. Чего можно ждать от человека, которых в другой телепередаче назвал атеистов животными, которых нужно лечить?

Отношение к телесным наказаниям отражает и воспроизводит существующую в России общую идеологическую поляризацию. Значительная часть населения страны, которая в теории или на практике (это не всегда совпадает) уже приняла европейские нормы, не прибегает и/или не хочет прибегать к телесным наказаниям детей, для нее они случайны и пережиточны. Однако есть немало людей, для которых эти нормы неприемлемы. Водораздел между ними проходит по той же линии, что и отношение к рыночной экономике, демократии, модернизации и правам человека. Главные факторы здесь – возраст, уровень образования, характер политических взглядов и, в данном случае это особенно важно, личный жизненный опыт. Но эти факторы могут переплетаться друг с другом весьма разнообразно.

Интересно выглядит в этом контексте позиция РПЦ. В 2006 г. будущий патриарх Кирилл подписал Киотскую “Декларацию о насилии против детей”, предусматривающую, в частности, полный запрет телесных наказаний. Но как ввести и контролировать этот запрет? Стоило только российским политикам и социальным работникам признать, что наши дети часто подвергаются насилию в семье и школе, и поддержать идею создания, по европейскому образцу, ювенальной юстиции, как в православном Интернете появились статьи типа “венальная юстиция беспощадно уничтожает традиционную семью”, «Лоббисты порноиндустрии и разврата хотят придать детям с как можно более раннего возраста “взрослый” статус», “По сравнению с ювенальной юстицией гитлеризм отдыхает”, “Ювенальная юстиция представляет собой такой подрыв детско-родительских, общественных отношений и всего российского жизненного уклада, что по сравнению с ней предыдущие реформы – это выстрелы новогодних шутих”. «Православная церковь в последнее время старалась не вмешиваться в политику, позволяя политике вмешиваться в свои дела. Но с одной темой священнослужители все-таки не удержались. В Европейской социальной хартии 1961 г., которую недавно ратифицировала Россия, говорится не только о защите прав на коллективные переговоры и прав рабочих-мигрантов, но и о правах ребенка. Представители ортодоксальной общественности возмутились: из норм хартии они вычитали, что скоро в стране введут систему ювенального правосудия. Сначала противники отдельных судов для детей собирали подписи, потом в ход была пущена тяжелая артиллерия. Патриарх Кирилл провел встречу с депутатами Госдумы от “Единой России”, и те в ответ пообещали не принимать важные законы, не посоветовавшись с церковью. Критику в адрес ювенального правосудия Кирилл высказал и министру юстиции А. Коновалову. Глава Минюста последовательно отстаивает православные традиции, он просил самым благочестивым из российских чиновников... Единомышленников патриарх ищет в верном месте: без поддержки главы Минюста ювенальная юстиция в России точно не состоится. Если уже созданные институты правосудия для детей и не свернут, то их распространение, видимо, затормозят». Так оно и произошло.

В интервью “Журналу Московской патриархии” уполномоченный по правам ребенка при Президенте РФ П. Астахов сказал, что при рассмотрении вопросов о введении ювенальной юстиции действует только по благословению патриарха Кирилла: «Я приезжал поздравить патриарха, и мы в разговоре затронули эту тему. Тогда я просто сказал: “Ваше Святейшество, я поступлю так, как Вы благословите. Потому что для меня это важно. Без Вашего благословения я не буду ничего делать”». Во время их следующей встречи патриарх сказал омбудсмену, что, по его мнению, никакие западные формы ювенальной юстиции для России неприемлемы, “но у хулиганов, преступников и пьяниц детей надо забирать, чтобы спасти”.

Это были слова Святейшего. И Астахов с ним полностью согласился. Ведь если люди – преступники, то они вырастят из ребенка преступника либо убьют его, поэтому детей им оставлять нельзя. При этом уполномоченный по правам ребенка привел

статистику, в соответствии с которой в некоторых российских регионах на Севере и Дальнем Востоке 100% преступлений против детей совершается именно в семье...

Ювенальная юстиция и то, что с ней связано, не входит в круг моих научных интересов. Но я не могу не обратить внимания на то, что против нее выступают те же самые люди, которые заблокировали в России сексуальное образование молодежи, используя ту же самую обманную риторику. Вместо обсуждения реальных проблем и трудностей ювенальной юстиции (ясно, что государство не может заменить ребенку родительскую семью) придумываются и тиражируются откровенно карикатурные антизападные пропагандистские страшилки, которые общество затем принимает на веру. А так как доверие к государственным учреждениям в России нулевое, эту риторику подчас принимают даже искренние защитники детства.

Сегодня все ветви власти и все политические партии говорят о защите детей, принимаются многочисленные законы, назначаются детские омбудсмены, создаются специальные фонды, ассигнуются бюджетные деньги. Некоторые из этих мер полезны и необходимы. Но значительная часть этой деятельности, как и все прочее в современной России, остается имитационной, а то и пародийной. Когда в Думе обсуждался вопрос о защите российских детей за рубежом от финляндских социальных работников и американских усыновителей, я удивлялся, почему никто из народных избранников до сих пор не предложил ввести принцип паритетности, как с ракетами: разрешить американцам усыновлять ровно столько российских детей, сколько наши родители усыновляют маленьких американцев, и ни на одного больше! Неужели наши дети дешевле ракет?!

Излишне политизировано освещение этих вопросов в электронных СМИ. Даже если речь идет не об американцах или финнах, у которых все по определению плохо, а о российских усыновителях, которые вдруг почему-то оказались жестокими (хотя они всегда говорят не об избиении, а о наказании), поиск “виновника” зачастую заслоняет существо дела и интересы ребенка. Стране показывают обожженного маленького ребенка, которого так “наказали” садисты-усыновители. Всем ясно, что виноваты коррумпированные органы опеки, “продавшие” ребенка закоренелым злодеям. Потом усыновители оказываются не такими уж злодеями, пострадавший мальчик без них тоскует, и всем становится ясно, что налицо очередной “антисемейный” заговор. Общая философия наказания при этом обсуждается редко и поверхностно. Скандалы такого рода происходят во всем мире, журналисты торопятся, судьба ребенка для них прежде всего – “информационный повод”. Но кто-то же должен смотреть глубже?

Принципиальное отличие российской государственной ментальности от европейской в этом вопросе состоит в том, что ребенок, как, впрочем, и взрослый, рассматривается не как автономный и самоценный субъект, а как объект чьих-то чужих, хороших или плохих, действий. Недаром российские законодатели и правоохранители избегают цитировать статьи 12 и 16 Конвенции ООН о Правах Ребенка:

Статья 12: “1. Государства-участники обеспечивают ребенку, способному сформулировать свои собственные взгляды, право свободно выражать эти взгляды по всем вопросам, затрагивающим ребенка, причем взглядам ребенка уделяется должное внимание в соответствии с возрастом и зрелостью ребенка”.

Статья 16: “1. Ни один ребенок не может быть объектом произвольного или незаконного вмешательства в осуществление его права на личную жизнь, семейную жизнь, неприкосновенность жилища или тайну корреспонденции, или незаконного посягательства на его честь и репутацию.

2. Ребенок имеет право на защиту закона от такого вмешательства или посягательства”.

Отношение к телесным наказаниям – один из показателей демократизма общества и толерантности культуры. Ни то ни другое по мановению волшебной палочки не создается и не меняется. В современной России борются две тенденции. Первая, глубинная тенденция, характерная для более образованных и молодых людей и продолжающая давний процесс европеизации страны, разворачивается преимущественно в сфере частной жизни. Это люди, которые не бьют своих детей и не считают эту практику педагогической. Вторая, имперско-авторитарная, подразумевающая не граждан,

а подданных, без телесных наказаний невозможна. Дети, воспитанные без телесных наказаний, могут не принять ни армейской дедовщины, ни пыточной системы ГУЛАГа, ни разгона правозащитных митингов, ни пародии на выборы.

Культура насилия требует постоянной подпитки. До тех пор, пока в стране процветают ксенофобия и культ физической силы, а государство стремится не столько обуздать насилие, сколько монополизировать его, межпоколенческая эстафета насилия и телесные наказания детей будут продолжаться, а “борьба” с ними – оставаться имитационной.

* * *

Продолжая прогрессивные тенденции классической русской педагогики и литературы, Советский Союз запретил и признал недопустимыми телесные наказания в школе. Эта позиция для советской педагогики всегда оставалась принципиальной. Однако обеспечить реальный контроль за соблюдением этого запрета власть не могла, да и не хотела. Тоталитарный строй невозможен без телесного насилия над личностью, и принятие этого порядка закладывается уже в детстве.

Главными рассадниками телесных наказаний в советское время были закрытые “тотальные институты”, типа исправительных и иных специальных учебных заведений, приютов и детских домов.

Семейное воспитание было дифференцированным и зависело главным образом от усмотрения родителей. Государственные органы вмешивались в родительские телесно-дисциплинарные практики лишь в тех случаях, когда они воспринимались как “слишком жестокие”, но возможности этого вмешательства были ограничены. В рабоче-крестьянских семьях телесные наказания детей, особенно мальчиков, считались нормальными и применялись достаточно широко.

Постепенная либерализация советской жизни, начиная с 1960-х годов способствовала выработке более критического отношения к телесным наказаниям, которое отчетливо выражено в сочинениях таких авторов, как Долецкий, Соловейчик и Приставкин.

Отношение к телесным наказаниям в постсоветской России отражает и воспроизводит существующую в ней общую идеологическую поляризацию. Значительная часть населения страны в теории или на практике (это не всегда совпадает) уже не прибегает и/или не хочет прибегать к телесным наказаниям детей, для нее они случайны и пережиточны. Однако есть немало людей, для которых эти ограничения неприемлемы. Водораздел между ними проходит по той же линии, что и отношение к рыночной экономике, демократии, модернизации и правам человека. Главные факторы – возраст, уровень образования, характер политических взглядов и, в данном случае это особенно важно, личный жизненный опыт.

Степень реального распространения телесных наказаний и насилия над детьми неизвестна. Государственная криминальная статистика в этом вопросе недостоверна и политизирована, а независимые социологические опросы не всегда достаточно репрезентативны и сопоставимы друг с другом.

В последние годы государство стало уделять проблемам личной, в том числе телесной и сексуальной, безопасности детей значительно больше внимания и средств. Однако нередко эта деятельность остается преимущественно имитационной.

Теоретическим и политическим стержнем всех дискуссий по этим вопросам является категория прав ребенка, которую традиционализм и религиозный фундаментализм считает подрывной и антисемейной.

Учитывая общую социально-политическую ситуацию в России, шансы на законодательное запрещение телесных наказаний близки к нулю, “родительская власть” – один из духовных столпов авторитаризма. Однако социально-педагогическое значение этой полемики, возможно, меньше, чем кажется ее участникам. На глубинном, внутрисемейном уровне все решают не церковно-государственные догмы, а повседневные родительские практики.

МОНОГРАФИИ И.С. КОНА

История философии и социологии

- Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М.: Мысль, 1959.
Основные направления буржуазной философии и социологии XX века. Л.: Издательство ЛГУ, 1961 (совместно с Ю.А. Асеевым).
Позитивизм в социологии. Критический очерк. Л.: Издательство ЛГУ, 1964.

Психология личности

- Социология личности. М.: Политиздат, 1967.
Открытие Я. М.: Политиздат, 1978.
В поисках себя (Личность и ее самосознание). М.: Политиздат, 1984.
Социологическая психология. Избранные труды (Серия: Психологи России). М.–Воронеж, 1999.
80 лет одиночества. М.: “Время”, 2008.
Бить или не бить? Телесные наказания в культурно-антропологической перспективе. М.: “Время”, 2011.

Культурная антропология дружбы

- Дружба. Этико-психологический очерк. М.: Политиздат, 1980.

Ювенология

- Психология юношеского возраста (Проблемы формирования личности). Учебное пособие для студентов педагогических институтов. М.: Просвещение, 1979.
Психология старшеклассника. Пособие для учителей. М.: Просвещение, 1980.
Психология ранней юности. Книга для учителя. М.: Просвещение, 1989.
Мальчик – отец мужчины. М.: “Время”, 2009.

Этнография и культурная антропология детства

- Ребенок и общество: историко-этнографическая перспектива. М.: Главная редакция восточной литературы, 1988.
Ребенок и общество. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: “Академия”, 2003.

Культурная антропология сексуальности. Сексология

- Введение в сексологию. М.: “Медицина”, 1988.
Вкус запретного плода. М.: “Молодая гвардия”, 1992.
Sexual Revolution in Russia. From the Age of the Czars to Today. New York, The Free Press, 1995.
Клубничка на березке. Сексуальная культура в России. М.: О.Г.И., 1997; “Время”, 2010.
Подростковая сексуальность на рубеже XXI века. Социально-педагогический анализ. Дубна, “Феникс+”, 2001.
Сексуальность и культура. (Избранные лекции Университета, вып. 23). СПб., 2004.
Сексология. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: “Академия”, 2004.

Инаколюбящие. Мужчина и общество

- Лунный свет на заре. Лики и маски однополрой любви. М.: “Олимп-АСТ”, 1988.
Любовь небесного цвета. СПб.: “Продолжение жизни”, 2001.
Мужское тело в истории культуры. М.: “Слово”, 2003.
Мужчина в меняющемся мире. М.: “Время”, 2009.